

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Март — Апрель 2015

В НОМЕРЕ:

In memoriam:
Александр Чудаков, Артур Толстяков

Политический дискурс:
есть ли пророки в своем отечестве?

Фридрих Горенштейн.
Крим-брюле, или Веревочная книга

Современный грузинский литературный процесс

МОСКВА

Александр Таганов. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920–50-е годы). Иваново: Ивановский государственный университет, 2013. 208 с.

В безбрежном океане публикаций, посвященных исследованию поэтики Марселя Пруста, книга А. Таганова выделяется «лица не общим выраженьем». Имя автора книги хорошо известно отечественным литературоведам. Именно А. Тагановым защищена одна из первых диссертаций о творчестве Марселя Пруста — «Формирование эстетической концепции Марселя Пруста» (1996). Траектория его научных интересов давно направлена на исследование французской литературы XIX—XX веков и русско-французских литературных связей.

Уже заглавие книги свидетельствует о стремлении автора обратиться к сравнительно-историческому методу изучения материала, к компаративистике, не исключая биографического метода, разработанного Сент-Бевом. Кроме того, обозначена и научная задача: «...тема “Пруст и русская литература” <...> позволяет выделить наиболее характерные особенности, присущие художественному мышлению на рубеже XIX—XX веков, дает возможность увидеть черты сходства и различия в литературном процессе стран Запада и России» (с. 6). Определяя специфику художественного мира Пруста, А. Таганов констатирует: «...самыми важными оказываются зачастую моменты и явления, которые были связаны с его личным существованием, пережиты им чувственно и составляют содержание его внутреннего бытия» (с. 7).

Вопреки традиционному представлению о том, что Пруст в эссе «Против Сент-Бева» отказывается следовать биографическому методу, Таганов тонко и ненавязчиво говорит о присутствии биографических моментов не как внешних опор для конструирования прустовских образов, но как сильных внутренних импульсов.

Известно, что первый том «Поисков утраченного времени» в 1913 году был недооценен даже таким искушенным критиком, как Андре Жид, который вернул книгу начинающего автора с уничижительной оценкой, сказав, что это не роман, а только мемуары светского дилетанта. Жид недооценил именно «внутреннее бытие» биографического опыта Пруста.

В поисках такого содержания А. Таганов обращается к русской теме в творчестве Пруста. Интерес Пруста к России, по мнению автора книги, «был обусловлен его собственными симпатиями — явлениями искусства, личными знакомствами и предпочтениями» (с. 6). На страницах «В поисках утраченного времени» «действуют <...> княгини Юрбелетьева и Щербатова, упоминаются реальные представители русской культурной и политической жизни: Бакст, Бородин, Гоголь, Мусоргский, Римский-Корсаков, Стравинский,

Ленин и другие. Из событий исторического плана автор среди прочего вспоминает Октябрьскую революцию, убийство Распутина» (с. 7). Не обходя вниманием вымышленных персонажей русского происхождения, А. Таганов вместе с тем настаивает на том, что русская тема у Пруста воспринимается «через призму субъективного переживания» (с. 8).

Этот биографический, личностный момент в прозе Пруста автор связывает с общей традицией восприятия русской литературы во Франции — от Ж. де Сталь до авторов XX века. Вспомнив об особой притягательности загадочной славянской души, Пруст в итоге помещает ее «в тот художественный интертекст, который, по его мнению, наиболее точно выражает суть бытия» (с. 10).

Именно мысль об особом контексте, об интертексте, составляющем окружение произведений Пруста, а в более широком смысле и всякого большого писателя, позволяет А. Таганову сопоставить прозу Пруста с творчеством Л. Толстого и Ф. Достоевского, а также с советскими авторами 20—30 годов.

Предложенный «принцип телескопа», разрушая традиционное представление о контексте, позволяет ощутить внутреннюю близость Пруста писателям советского литературного пространства 1920—1950-х годов. А. Таганов подробно перечисляет эти сходжения, вспоминая о французских публикациях в журнале «Эроп», о первых упоминаниях о Прусте в «Литературном еженедельнике» 1923 года.

Особый интерес представляют точные сведения о первых переводах и оценках наследия Пруста в советской журналистике на протяжении 1920-х—1950-х годов. Среди ранних откликов на творчество Пруста важна оценка В. Вейдле, который, покинув Россию в 1924 году, с «удивительной прозорливостью» нашел в прозе Пруста «в отсутствии всякой композиции подобие закона в “мнимом беспорядке”» (с. 25). В параллель к мыслям В. Вейдле автор книги приводит фрагмент письма Пруста к Ж. Ривьеру: «Наконец-то я нашел читателя, который догадывается, что моя книга является трудом догматическим и представляет собой конструкцию» (с. 25).

Поставив во главу угла методологические проблемы изучения наследия Пруста, А. Таганов делает парадоксальный ход в третьей главе исследования «Гулаговский опыт постижения М. Пруста». Но параллель между художественным опытом автора романа об утраченном времени и гулаговским опытом его постижения лишь на первый взгляд представляется случайной. Неожиданный отзвук прустовского наследия обнаруживается в творчестве Анны Барковой (1901—1976), которая провела в лагерях более двадцати лет. Обнаруживается он и в оценках Варлама Шаламова, открывшего для себя Пруста во время пребывания в лагере на Колыме. Для своих параллелей А. Таганов находит опоры в исследованиях отечест-

венных и зарубежных авторов, в частности, в «опыте параллельного чтения» В. Есипова и в книге французского автора К. Бремо об Анне Барковой.

По мысли А. Таганова, в условиях замкнутого гулаговского мира книги Пруста продолжали рождать у русских авторов творческий и эмоциональный импульс, «потому что Пруст, пытаясь найти возможность противостоять суете и текучести жизни, возвращает нас к самим себе, даря встречу с существом, освободившемся от власти времени» (с. 61).

По-иному рассматривается влияние Пруста на русское зарубежье в четвертой главе — «М. Пруст и русское зарубежье 1920–30-х годов». Здесь вновь автор находит неожиданный ракурс — контекст религиозной жизни во Франции и в России. Вспоминая участников первой волны эмиграции — В. Яновского, И. Бунина, В. Ходасевича, В. Вейдле, — автор рассуждает об общей утрате религиозных опор: «Как следствие, пристальное внимание направляется на душевную жизнь, на переживания, личность перестает быть “метафизической единицей”, становится какой-то блуждающей туманностью» (с. 69). Говоря о схождении и расхождении между французским и русским литературным сознанием, реферируя статью Г. Адамовича и заметки М. Алданова во французской прессе, А. Таганов замечает, что «писать о Прусте для русских очень трудно, как для французов о Толстом», «поскольку это тоже особый мир, куда надо перенестись, уславившись чуть ли не о каждом выражении» (с. 70). Эта мысль пронизывает и пятую главу книги («В поисках своего творческого “я”: по направлению к Прусту»), где называются имена А. Ремизова, И. Бунина, М. Цветаевой и Б. Пастернака. Уже названия разделов открывают «потайное родство» систем. «Другие типологические параллели» исследуются в шестой главе — «Несостоявшиеся встречи». Типологические параллели ведут А. Таганова к сближению Пруста с русскими классиками — от Л. Толстого и С. Аксакова до А. Чехова.

Общность сопоставлений, возникших на уровне сравнения произведений классиков, связана с понятием «память». А. Таганов исследует «совершенно специфический оттенок являющийся в особом способе структурно-текстового воплощения» (с. 169). Речь идет о родстве чеховского синтаксиса с синтаксисом Пруста, проявляющимся в «субстантивации инфинитивных форм и синтагм». Формально-языковые признаки на самом деле ведут к глобальной особенности, к отношению к жизни как к «безостановочному становлению».

Эта мысль А. Таганова смогла выкристаллизоваться лишь при наличии исследовательского таланта, основанного на глубоком знании и чувстве французского языка. Вслед за итальянским ученым Гинзбургом А. Таганов находит сходство Пруста с литерату-

рой авангарда, в котором «остранение» называется предысторией нового (с. 170—171).

Анализируя статьи В. Шкловского и книгу Ж. Делеза, признавая, что «остранение» продолжает оставаться предметом дискуссий в современном литературоведении, А. Таганов вновь обращается к спору Пруста с Сент-Бевом, ибо при собственном биографическом опыте «каждый из нас понимает свое или, по крайней мере, видит свое» (с. 173—174). Проблема слова у Пруста связана в представлении А. Таганова с проблемой бытия имени, постоянно переходящую «в проблему смысла бытия и наоборот». Размышляя о новаторстве Пруста в его связях с авангардом, «вернее говорить о том, что он объединяет то, что в современном литературоведении скрывается за префиксами *avant* (идуший впереди) и *post* (идуший после — постромантизм, постреализм, постмодернизм и т. д.)» (с. 179).

С одной стороны, Пруст идет против Сент-Бева, с другой — «это прорыв вперед», который присутствует во всяком становящемся тексте, каким в принципе является не формально написанная биография. Так, ограничиваясь вполне конкретными временными рамками 1920—1950 годов, автор книги продолжает освоение творчества Пруста в самом широком контексте, имея в виду не формальные сопоставления, но внутреннюю близость, обобщающую одновременно «общечеловеческий и уникальный интимно-личностный опыт» (с. 189).

Скромно изданная в Ивановском университете, книга А. Таганова несет не только новое слово о Прусте. Отличаясь глубоким творческим своеобразием, скрупулезно выверенная в библиографическом обзоре, она послужит подспорьем для литературоведов и широкого круга читателей, обратившихся к истории литературы в размышлениях об отечественной культуре.

К. КАШЛЯВИК

г. Нижний Новгород

В ближайших номерах:

Слово о Константине Симонове

**Золотая рыбка или рваный башмак?
Беседа с Т. Жирмунской**

«Русский Букер» — 2014. Непарадный портрет

Александр Чижевский — поэт Серебряного века

**Китайский переводчик
о современной русской прозе**